

УДК 13.5

М.В. Савостьянова

К ПРОБЛЕМЕ СМЫСЛОВОЙ ДОМИНАНТЫ НАУКИ В КУЛЬТУРЕ

В настоящее время философами и методологами науки предпринимаются попытки выстроить концептуальную модель преодоления глубокого кризиса в методологической, мировоззренческой, аксиологической, этической сферах не только науки, но и культуры в целом.

Одной из проблем современного мира стало то, что развитие цивилизации, во многом обусловленное развитием науки, порождает несоответствие между открываемыми ею возможностями и способностью человека справляться с ними. Обострилось противоречие между высокой практической эффективностью и высоким риском использования новых научных достижений. Использование науки как средства достижения некоторых общественно значимых целей (экономического благоденствия, военной безопасности, создания новых средств коммуникации) будет и далее находиться в противоречии с достижением других столь же значимых целей (экологической безопасности, суверенности личности), что в пределе может привести к экологической катастрофе и полному нивелированию личности.

Наблюдается явный кризис как смысловой доминанты науки в культуре, так и ее методологии, воспринимаемый как кризис доверия к научному разуму, научной рациональности вообще. В ситуации кризиса поиск путей выхода из него всегда включает в себя возвращение к истокам этого кризиса. Современная наука является не только продуктом этой цивилизации, но и ее источником и движущей силой. Поэтому вопрос о судьбе науки и о судьбе цивилизации — это во многом один и тот же вопрос. Эта проблема поднималась в работах К. Поппера, С. Тулмина, И. Лакатоса и особенно П. Фейерабенда.

В отечественной методологии науки можно выделить обозначившиеся в последнее время направления поисков выхода из мировоззренческого и методологического кризиса:

– поиск нового типа рациональности (В. Степин, В. Разумов, П. Гайденко, М. Розов);

– поиск новых методов, основных принципов фундаментальных базовых теорий (А. Липкин, А. Печенкин, С. Курдюмов);

– попытки универсализации языка науки (В. Разумов, Е. Мамчур, В. Буданов);

– идеи гуманизма (Е. Черткова, Р. Аронов).

Однако такая постановка вопроса лишь в какой-то степени инициирует движение, но не решает проблемы, поскольку каждое из этих направлений существенно само по себе, но отражает только ее частный аспект. Если же решать проблему в целом, то за основу, по-видимому, необходимо взять «краеугольный

камень» – ценности (а следовательно – цели, смыслы, истины), лежащие в основании картины мира, а также изначальные, базовые мировоззренческие посылки, исходя из которых строится все дальнейшее рассуждение. В этой связи становится очевидно, что способами только научной рациональности эта проблема не разрешима, поскольку находится за пределами ее компетенции.

Проблему ценности науки предлагается рассматривать в контексте осмысления кризиса современного сознания, существенным моментом которого является переоценка ценности и роли науки в современном мире, отказ от наукоцентризма как мировоззренческого фундамента техногенной цивилизации и поиск новых ориентиров и оснований для формирования мировоззрения XXI века.

Представляется актуальным поиск тех мировоззренческих и аксиологических оснований, которые дали бы возможность эволюционировать культуре, цивилизации, человеку, а также попытка определения целесообразного места науки среди других феноменов культуры. Назрела необходимость новой парадигмы изучения науки как социокультурного феномена, т.к. уже существующие возникли задолго до современного кризиса науки и на сегодняшний день представляются недостаточно конструктивными. Вопрос о статусе науки – это вопрос о духовных, ценностных основаниях культуры, поскольку именно научная картина мира сегодня определяет культурологическую ситуацию, и ее диктат, вольный или невольный, присутствует в мировоззрении эпохи.

Одной из проблем, на наш взгляд, стало то, что функциональный диапазон науки был явно преувеличен, в частности - за счет придания ей мировоззренческой функции и претензий на полную, непротиворечивую, истинную картину мира, хотя сами методологи науки считают, что нет более абстрактного понятия, чем «научная картина мира», поскольку она, во-первых, не полна, отдельные ее фрагменты трудно связать воедино (только на основании какой-либо фундаментальной базовой теории – электромагнитной, квантовой, синергетической и т.д.), во-вторых, тезис «мир познаваем, но не познан» оказался верным - мы постоянно оперируем относительной истиной, которая чаще отрицается дальнейшим развитием науки, чем дополняется, поскольку в эпоху НТР кумулятивизм в науке становится скорее частным случаем, чем правилом [1, с. 232].

Как в гуманитарной, так и в естественной науке накоплено огромное количество фактов, которые добросовестно изучены, собраны и систематизированы. Но при таком обилии фактов поражает концептуальная беспомощность в их интерпретации, в попытке связать их в единое целое, отсутствие некоего «мировоззренческого раствора», способного соединить отдельные материалы в единое здание научной картины мира. С другой стороны, картина мира, скорее всего, создается не от частного к общему, не от факта к концепции, а от концепции (или метатеории) – к пониманию и интерпретации факта, о чем, в частности, говорил Т. Кун в своей работе «Структура научных революций», – не появление «аномальных» фактов разрушает существующую парадигму и приводит к научной революции, а появление новой теории (метатеории, концепции) [2].

Проблема очень неоднозначна. Накоплением новых фактов (понятие, которое часто путают с понятием “истина”) она не решается. Тем не менее, в культуре продолжает доминировать вера в непогрешимость и полноту научного знания, во всемогущество науки и самодостаточность научного мировоззрения, «научной картины мира» (с трудом составленной из разрозненных сведений, собранных из различных областей знания). Однако уже в работах К. Поппера, С. Тулмина, И. Лакатоса, П. Фейерабенда приводится множество философских, методологических, логических и социологических аргументов, направленных на опровержение сциентистского утопизма. Они показали, что вопреки устоявшемуся в общественном сознании мнению, наука не имеет оснований претендовать на особый, исключительно высокий статус абсолютного знания и на наиболее полное воплощение идеала рациональности по сравнению с иными формами знания [3].

Важно отметить также включенность понимания науки и особого статуса научной рациональности в современной культуре в свойственный гуманизму контекст понимания человека как творца и преобразователя мира. Только в этом контексте было возможно обожествление науки как обожествление силы человеческого разума, что заставило П. Фейерабенда потребовать «отделения государства от науки — этого наиболее современного, наиболее агрессивного и наиболее догматического религиозного института» [4, с. 450].

Интересным моментом кажется неожиданное расширение функционального диапазона естествознания. Естественная наука описательна, функциональна, практически применима для целей и задач материальной жизни человека. Однако именно открытия в области естествознания стали “идеологической основой” мировоззренческой доминанты науки в культуре, основанием для претензии на научную картину мира, обладающей практически единственным правом на истину. Что касается гуманитарных наук, то они также описательны и также регулируют имманентные проблемы человеческого существования. И только искусство, религия и философия пытаются иметь дело с человеческой душой, отвечать на “вечные” вопросы и творить новую реальность человеческого духа.

Однако критика претензий науки на мировоззренческую функцию, научную картину мира, самодостаточность, истинность не предполагают умаления функций науки и ее роли в современном мире. Очевидно, что антиинтеллектуализм и иррационализм, полезные своей критикой сциентизма и техницизма, не могут выдвинуть реальной позитивной программы сохранения и дальнейшего развития цивилизации. Но и постмодернизм способен лишь к высвечиванию и усилению царящего духовного хаоса. То, что можно предложить для выхода из кризиса — это прояснения связи определенных практических принципов с определенным мировоззрением.

Одной из серьезных культурологических проблем представляется отчуждение науки от мира человеческих ценностей. Наука как бы повторяет тот путь отчуждения от человека, который проходит искусство, а вместе с ним и политика — все они, возникнув из определенных человеческих потребностей, ради решения связанных с ними проблем, постепенно как бы “забывают” свои истоки и свое назначение и начинают развиваться по своим собственным законам. Одним из

признаков разрыва между наукой и миром человеческих ценностей, на наш взгляд, является то, что самые сенсационные научные открытия перестали решающим образом влиять на изменение господствующего мировоззрения, нравственно-смысловых доминант, целей и ценностей как человека, так и культуры. Видимо, для восполнения структурного единства науки потребуется обоснование взаимодействия между ее эмпирической и логической составляющими, с одной стороны, и ее ценностными предпосылками и идеалами — с другой. Естественным следствием из этого становится своеобразный синтез эпистемологии и культурологии.

Современные критики науки нередко пытаются вывести порожденные техногенной цивилизацией характеристики науки из самой ее сущности. Однако это неверно. Не сама по себе идея господства и могущества человеческого разума над внешними условиями бытия ведет к современному кризису, а лишь ее неадекватное гуманистическим идеалам истолкование и применение.

С развитием науки, появлением новых научных методов, развитием научной картины мира меняется мировоззрение целых народов. Именно с этим связана десакрализация знаний человека о мире. Меняются ценности, этика, цели. Производными этого процесса стали новые явления в искусстве, литературе, общественных отношениях. Человечество как бы вошло в период абсолютной свободы разума, плоды которой оно пожинает. Мы не можем не согласиться со словами М. Хайдеггера, что «действительность, внутри которой движется и пытается оставаться сегодняшний человек, все более определяется тем, что называют западноевропейской наукой» [5, с. 239]. Поэтому и разочарование в культуре более всего осознается как разочарование в науке, и не только в ее способности или неспособности решать определенные стоящие перед человеком задачи, но и в науке как особом способе отношения человека к миру, т.е. к научной рациональности.

Когда мы говорим о кризисе науки и научной рациональности, то подразумеваем под этим в основном три момента:

Во-первых, ограничение возможностей и сферы применимости научной рациональности эмпирической реальностью, в которой она ищет прямого или косвенного подтверждения. Попытки научной рациональности выйти за пределы эмпирических подтверждений и логических конструкторов без нарушения «правил игры» тщетны. Это не было бы проблемой, если бы наука оставалась в рамках собственной функциональности и не претендовала на большее, однако этого не происходит.

Во-вторых, кризис смысловой доминанты науки в культуре. Стало ясно, с одной стороны, что с некоторыми «достижениями» науки связаны проблемы, с последствиями которых человечество не справляется (проблемы генной инженерии, возможности оружия массового поражения, последствия НТР в виде глобальных проблем человечества, в том числе — экологического и духовного кризиса). Решить их с помощью только науки на сегодняшний день почти невозможно. С другой стороны, попытка «научного мировоззрения» ограничить человека, существо, трансцендентное по своей природе, только имманентным бытием, объявить все, что

находится за пределами эмпирии, несуществующим, лишит человеческую жизнь (и жизнь культуры) всякого сакрального смысла, судя по всему, терпит крах на наших глазах.

В-третьих, существуют естественные языковые, семантические, семиотические ограничения развитию как науки, так и научной рациональности, порождающие попытки универсализации языка науки, преодоления смыслового барьера, когда одни и те же термины имеют разное содержание в зависимости от области знания или теории, в которой они применяются. Обозначается естественный предел развитию универсальной науки, развитию отдельных ее областей в гармонии с другими областями, а следовательно – конструированию единой «научной картины мира». В науке словно строится новая Вавилонская башня, и методологи науки это четко осознают. Возникает новая опасность – уже не только «две культуры» (естественную и гуманитарную) разделяет пропасть, катастрофических последствий чего так опасался Ч. Сноу [6], но и внутри одной области науки начинается подобное разделение.

Однако заметим, что если язык науки обслуживает только свою предметную область – этого достаточно для ее функционирования, но недостаточно для создания общей картины мира и для желаемого ускорения темпов развития науки. Проблемы с универсализацией языка науки ставят естественный предел еще более стремительному росту научного знания, поскольку в значительной степени затрудняют синтез научного знания и междисциплинарные исследования.

Вышеизложенные обстоятельства вызвали к жизни поиск способов универсализации языка науки. Однако это оказалось почти неразрешимой задачей. Но даже если бы это удалось, проблема преодоления кризиса в науке не была бы решена по двум причинам. Во-первых, функциональный диапазон науки не расширился бы до аксиологического, мировоззренческого, смыслополагающего, не вывел бы мировоззрение, цели и смыслы за границы имманентного бытия, в то время как любой наблюдаемый закон имманентен, а его причина трансцендентна. То же касается и человека, которому во всех вышеозначенных аспектах необходимы трансцендентные причины, цели, смыслы, поскольку он существо мыслящее, духовное и конечное, а не сугубо рациональное и функциональное, духовные и интеллектуальные запросы которого можно удовлетворить только тем, что связано с имманентным бытием и вписывается в рамки логики и эмпирии. Во-вторых, это не дало бы оснований для создания единой, истинной, окончательной, «научной» картины мира, потому что для решения подобной задачи необходимо не только (и не столько) языковое (семантическое) единство, сколько семиотическое и концептуальное, а этого наука предложить не может, поскольку это находится за пределами ее компетенции, в области мировоззрения, на которое, как показывает современное состояние науки, влияют не столько факты, сколько смыслы, цели и ценности, представленные в культуре.

В этой связи хотелось бы коснуться современного состояния науки, религии и ценностей в культуре. В конце XX века представители разных областей знания большое внимание уделяют такому феномену культуры, как постмодернизм. Большинство исследователей постмодернизма склоняются к тому, что он возникает

сначала в русле художественной культуры (литературы, архитектуры), однако очень скоро распространяется и на другие сферы: философию, политику, религию, науку. К хрестоматийным постмодернистским текстам можно отнести работу американского литературоведа Лесли Фидлера “Пересекайте рвы, засыпайте границы” (1969), в которой автор ставит проблему снятия границ между элитарной и массовой культурами, между реальным и ирреальным [7]. Тема науки и религии в эпоху постмодерна заботит, в частности, немецкого профессора социальной философии Гюнтера Рормозера, который, отмечая начавшийся процесс секуляризации и капитуляции теологии в ситуации модерна, сожалеет о том, что “христианство после крушения этой веры не стремится бросить все обновляющие силы на заполнение возникшего вакуума” [8, с. 85]. Это было бы, полагает он, не только желательно, но и просто разумно.

Постмодернизм пытается по-новому осмыслить реальность, излечить мышление от тотальности, включить в рефлексию опыт эстетический, моральный, политический, религиозный, научный, эзотерический, пограничных ситуаций, повседневности. Поэтому сторонники этой позиции полагают, что наиболее адекватное постижение действительности доступно не естественным и точным наукам или традиционной философии, а интуитивному “поэтическому мышлению”, решающую роль в обосновании которого отводят раннему М. Хайдеггеру, в работе которого «Бытие и время» (1927) еще заметно значительное влияние философии жизни Дильтея, феноменологии Гусерля, а также мотивы диалектической теологии. Это представляется неизбежной попыткой культуры выйти из жестких ограничений, которые налагают каноны научной рациональности, эмпирических методов исследования и жесткого материализма.

Однако У. Эко отмечает, что наступает момент, когда модернизму дальше идти некуда, поскольку он “разрушает образ, отменяет образ, доходит до абстракции, до чистого холста, до дырки в холсте”. Это отвержение модернизма предлагается разрешить особым образом: “постмодернизм — это ответ модернизму: раз уж прошлое невозможно уничтожить, ибо его уничтожение ведет к немоте, его нужно переосмыслить: иронично, без наивности” [9]. Однако очевидно, что ироничный пересмотр прошлого, в котором не последнюю роль сыграло научное мировоззрение прошлого, которому принадлежат религия, духовные и культурные традиции, невозможен. Эта попытка представляется весьма высокомерной позицией современного человека по отношению к своим предшественникам. Ирония уничтожает сакральность, это очевидно. Уничтожает ее и “научная картина мира”. Но без сакральных смыслов, как показывает история, не существует не только религии, но и культуры. В этой связи возникает вопрос о соотношении в культуре науки и религии — антагонистичны ли они по своей природе или это мнимый антагонизм?

Каждая из функций религии (как и культуры) представлена в определенной форме, средствами той или иной области культуры. Наука — единственная область культуры, которая не пользуется ссылками на Бога, не репрезентует практически ни один из аспектов религии в силу своих целей и функций, а также принятого в ней рационального способа доказательства, методологии, основанной на синтезе логики

и эмпирии. Это создает впечатление, что наука отрицает религию и представляет собой ее оппозицию, а научная картина мира является альтернативой религиозной. Однако при более пристальном рассмотрении выясняется, что это невозможно ни мировоззренчески, ни методологически, потому что функция науки – изучение имманентной действительности, ее наиболее эффективное использование, преобразование и прогнозирование. Ее метод – теория (логика), базирующаяся на эмпирии. Эмпирия и логика сами по себе не имеют методологической возможности отрицания Бога как трансцендентной причины имманентного бытия.

Картина мира, метод, цель, смысл, ценности науки, возникающих научных теорий и методов находятся в тесной взаимосвязи, взаимообусловленности. Каковы культурологические перспективы использования той или иной картины мира, теории или метода исследования? Необходимость в такой постановке вопроса возникает прежде всего потому, что теорий, аргументов, фактов, методов, типов рациональности в науке много, и интеллектуальный выбор наиболее перспективного из них, в связи с необходимостью нового понимания места науки в культуре XXI в., сильно затруднен. Необходимым представляется анализ того, к чему привело культуру базирование на тех или иных посылах, истинах, типах рациональности, целях, задачах. Почему они вообще были поставлены?

Функции науки – объяснение, предсказание и использование законов природы. Отдельных законов, на уровне средств наблюдения и теории, соответствующих данному хронотопу культуры. Поэтому объяснение меняется с появлением новых фактов, не укладывающихся в существующую парадигму, а также с появлением новой концепции, новой теории. Что же касается метатеории, которая была бы универсальна, могла быть применима к различным областям науки, а следовательно – стать мировоззренческой базой для создания научной картины мира, то она вряд ли может быть создана средствами науки. Это область идеологии, мировоззрения, ценностей и смыслов.

Наука не может дать целостного описания мира, и не сделала этого по сей день, а потому нет на сегодня более неясного и расплывчатого понятия, чем «научная картина мира». Базируясь на эмпирии (прямо или косвенно) и логике, наука пока продвинуться не смогла дальше фрагментарного описания отдельных областей и феноменов.

Приписывание науке «мировоззренческой функции», неудавшаяся попытка создания целостной научной картины мира, десакрализация существования как человека, так и культуры, ограничение бытия человека и культуры только имманентным, рациональным, эмпирией и логикой, последствия техногенного развития и беспомощность науки в их преодолении, нравственный и духовный кризис в культуре, относительность «истин» науки, отсутствие смысловой однозначности в понимании теорий и фактов заставляют как культурологов, так и методологов науки говорить о том, что апофеоз смысловой доминанты науки в культуре уходит в прошлое и насущной проблемой становится определение реального функционального диапазона и места науки среди других явлений культуры, прежде всего таких, как философия, религия, искусство.

Список литературы

1. Никифоров А.Л. *Философия науки: История и методология.* – М.: Дом интеллектуальной книги, 1998. – 276 с.
2. Кун Т. *Структура научных революций.* – М.: Наука, 1977. – 356 с.
3. Никифоров А.Л. *От формальной логики к истории науки.* – М.: Наука, 1983; Касавин И.Т. *Теория познания в плену анархии.* – М.: Наука, 1987. – 325 с.
4. Фейерабенд П. *Избранные труды по методологии науки.* – М.: Наука, 1986. – 565 с.
5. Хайдеггер М. *Время и бытие.* М.: Прогресс, 1993. – 335 с.
6. Сноу Ч. *Две культуры.* – М.: Наука, 1973. – 365 с.
7. Фидлер Л. *Пересекайте рвы, засыпайте границы // Современная западная культурология: самоубийство дискурса.* – М.: Прогресс, 1993.
8. Рормозер Г. *Ситуация христианства в эпоху “постмодерна” глазами христианского публициста // Вопросы философии.* – 1991. – №5.

Поступило в редакцию 12.05.04